

Известия, 3 авг. 1975

ВЕРЮ В ТАЛАНТ

Уже много лет в печати идут дискуссии о влиянии научно-технического прогресса на искусство. Высказываются самые различные точки зрения. Вплоть до того, что техника будто бы «угрожает» самому существованию искусства и что со временем ЭВМ, робот могут заменить живого актера. Мнение нашего брата — инженера на этот счет я знаю. Но хотелось бы услышать мнение такого актера, как Иннокентий Смоктуновский.

А. КАМИНСКИЙ,
инженер.

МОСКВА.

Н ИКАК не мог предположить существования угрозы, о которой Вы пишете, товарищ Каминский. Очевидно, вам, людям, живущим в мире точных формул и аксиом, много больше видится, нежели нам, в сфере духовного обслуживания населения. Очень уж неожиданна для меня эта проблема. Ваш вопрос не простой, вопрос серьезный. И отмахнуться от него двумя-тремя оптимистическими, но по сути ничего не значащими фразами нельзя. Поэтому прошу простить, что начну издалека.

Как-то по телевизору из одного научно-исследовательского института демонстрировали электронную машину, призванную воспроизводить человеческую речь. Затаив дыхание, все вокруг приникли к телевизору. Еще бы! Вдруг какой-то там «холодильник» и говорит вам просто и проникновенно: «Здравствуйте, как ваше здоровье и что вы собираетесь делать завтра?» Все походило на сказку с говорящим зеркалом.

Ряд сложных технических манипуляций, включений и переключений, до конца понятных лишь людям в белых халатах, хлопочущим у огромного диспетчерского пульта этой машины... Судя по прелюдии и «иллюминации», мы все вправе были ждать откровений если не на уровне сонетов Шекспира, то и не ниже того, что так просто, без сенсаций и апломба пообещала программа телевидения: «Машина говорит». Машина наполнила прекрасную тишину ожидания хронометрически рассчитанным подобием человеческой речи: «Я-те-бя-люб-лю-я-те-бя-люб-лю». Звук был настолько поларен и минуте ожидания, и прекрасному смыслу этих слов, что разочарование было абсолютным. Звуковая продукция ЭВМ была тогда эстетически столь несовершенна, что говорить о ее соперничестве с живым человеческим голосом просто, по-моему, не следует. С экрана тогда пахнуло, простите, сыростью и затхлостью склепа. Правда, полугодом позже едва ли не этой же машине предложили прозвучать Царь-колокол (что в Кремле стоит Московском) — о, это было прекрасно: звук, сотрясая сердца, пронесся по всему Союзу нашему, не обманув нашего ожидания в своей призывной мощи и окраске. Но если выбирать, я предпочту всегда гортанную натуженность несчастного глухонемого, желавшего сказать тебе: «Здра-вст-вуй».

Каким-то странным ассоциативным ходом сознание подсказывает совсем другой «эксперимент» с живой человеческой речью: мой сын Филипп, будучи еще двухлетним ребенком, любил петь. А пел он всегда одно и то же и подолгу:

Калинка-малинка моя,
В саду ягода калинка моя.

И тем не менее это не надоело. Это было живо, обаятельно в своей надоедливой

непосредственности, в азарте, в неосознанной шалости повторения. А заставьте машину говорить одно и то же, а вас слушать хотя бы в течение пяти минут — разбежимся кто куда.

Моим товарищам по работе и мне не чужды все человеческие проявления в век такого скачка науки и техники (в которых мы многого не знаем), и мы не можем исключить из забот дня и Вашу тревогу.

Элементы «электронно-вычисленного» героя, характера, актера уже появились (да простят мне специалисты намеренное искажение технического термина, но хочется сказать именно так). Хотя речь идет совсем не о компьютерных проявлениях, которых опасается автор письма. У «электронно-вычисленных» симптомов есть измерения, но измерения скорее отрицательные. Опасность эта — одномерность. Картонно-скучная одномерность. И чем она картоннее, тем опаснее, так как по мере возрастания ее картонности увеличивается ее претензия на объем. И от чего зависит ее рост и надменная самоуверенность — ума не приложу. Очень уж тревожно часто стала она мельтешить и на экране телевизора, и на киноэкране, и на подмостках сцены. Одномерность эта в актере ли, в герое ли или в характере персонажа почти всегда громкоголоса — почему-то истинная сложность в 2×2 выдаются ею как «сейчас я вам открою глаза на мир». Вы идете в театр, предвкушая радость встречи с настоящим искусством, — имя драматурга вам это обещает. «О, это будет интересно, глубоко, емко, живо». И порою так и происходит. Но не всегда. Порою Вы ловите себя на мысли, что это я уже где-то видел; ах, да, там и там, позвольте, да еще и там, а вот сейчас еще и здесь.

Стереотипность, заданность героя, персонажа, а тут еще актер подусугубил несколько — и вы зеаете. Драматургию Шекспира с самыми великими названиями преподносили порой в кино решением столь примитивно-иллюстративным, а великие персонажи, убеленные сединами, так бестолково громко и грубо орал, что за три часа сеанса с глубиной драматургии было блистательно покончено. Шекспир стал прямолинейным и однозначным. Подобного электронно-вычисленного суррогата нам бы сегодня надо больше опасаться, чем завтрашнего взаимопроникновения науки и искусства. Я не одинок в восприятии этого «робота со-вести и творчества». Такой «робот-автомат» страшен будет не только когда-то завтра. Страшен он и сейчас. Как видите, если говорить о сегодняшнем и даже завтрашнем дне, меня прежде всего волнует проблема мастерства актера, мастерства режиссера, качества нашего труда.

Если же заглянуть в будущее, то я думаю, что проникновение достижений науки и техники даже в театр, музыку закономерно. Привыкли же мы все к так называемой «электронной» музыке!

Наверное, все дело в том, что в человеческом сознании, особенно когда дело касается восприятия искусства, существует некая инерция, мешающая безоговорочно и сразу принять новые выразительные средства, которые предоставляет искусству наука. Не секрет ведь, что кино при его зарождении очень многим немисливо было представить в качестве нового искусства (как несколько позже — и звуковое кино). Есть тут свои сложности. Очень часто такие новые средства на первых этапах используются лишь для внешней выразительности, и это тоже отпугивает глубоких, настоящих художников. Но в принципе новаторство в искусстве и новаторство в науке в конце концов поймут друг друга ко взаимной пользе.

Если даже занять крайнюю позицию и предположить существование «актера-робота», то это дело столь отдаленного будущего, а количество насущных проблем жизни, которые должны быть решены сегодня, завтра (а не послезавтра), настолько велико, что я позволю себе успокоить автора письма, а в большей степени и самого себя. Я полагаю, что на смену нам придет в театр глубоко разумная, мыслящая, одухотворенная, тонко чувствующая, с высокими эстетическими, моральными, творческими воззрениями молодежь (наша забота должна состоять сейчас в том, чтобы она пришла), которая будет столь принципиальна в борьбе за уважение зрительного зала к сцене, к актеру, что просто не позволит ни в малейшей степени даже промелькнуть мысли о необходимости механического или электронно-вычисленного актера.

Машина сегодня помогает лечить человека, помогает учить его, спасибо ей огромное. Но — только помогает. Лечит человека врач, учит педагог, учитель. Так же, мне представляется, будет и с актером в будущем. Настоящий актер, современный актер всегда будет стремиться не отстать от духа времени, от своего зрителя, всегда будет в какой-то степени, пусть даже в малой, «учить» его со сцены, «лечить» его социальные и «личные» недуги, воодушевлять, звать его к правде, к свету, к добру. И не беда, как мне кажется, если на помощь этому актеру придут какие-то аксессуары технической помощи, усиливающие воздействие его на зрителя (ведь и сегодня кино, театр оснащены достаточно мощно с индустриальной точки зрения). Но помогать они будут живому актеру. И это будет лишь вспомогательное средство — как врач инструмент, как педагог наглядное пособие. Не представляется, что когда-нибудь может погаснуть интерес к личности человека, а следовательно, и актера, как к средоточию борений и чаяний, как к своеобразному нервному узлу времени. Это можно представить себе лишь в каком-то нелепо-фантастическом зрительном зале, где в креслах сидят не живые люди, а пронумерованные роботы. Я не представляю себе такого «электронного» зала. И именно поэтому верю в бессмертие человеческого разума, искусства, таланта актера-человека, как на экране, так и на подмостках сцены.

С уважением

И. СМОКТУНОВСКИЙ,
народный артист СССР.